

Чжэнь Вэньцзюнь с предельным изяществом и осторожностью следовала за гвардейцем Хубэнь. Она не осмеливалась приближаться слишком близко, опасаясь, что стук копыт её собственной лошади выдаст преследование. Ей оставалось лишь с огромным трудом вести слежку, ориентируясь на смутные, едва различимые впереди отпечатки подков.

Этот человек в самом деле держал путь напрямик к Мэнляну.

Сгущались сумерки, и выискивать следы становилось всё тяжелее. Чжэнь Вэньцзюнь не захватила с собой огниво, к тому же на севере как раз наступила сырая весна. Таял снег, природа пробуждалась, и земля повсюду была влажной, так что развести костёр у неё всё равно бы не вышло. К счастью, ночь выдалась ясной и лунной, а северные деревья ещё не успели покрыться густой листвой. Под этим чистым небосводом земля была залита обильным сиянием, и Чжэнь Вэньцзюнь исключительно благодаря лунному свету и смутным очертаниям умудрилась не потерять след гвардейца.

Когда она наконец выбралась на простор, стряхивая с одежды налипшие колючки терновника, сухие ветви и сорняки, перед её глазами предстала последняя цепочка следов.

Неподалёку в ночном воздухе лениво покачивались и таяли несколько струек сизого дыма. Отчётливо доносился гул человеческих голосов, то и дело звенел раскатистый, исполненный здоровья мужской хохот и выкрики.

Поскольку Чжэнь Вэньцзюнь уже не один месяц провела в походах на передовой, она мгновенно поняла, что прямо перед ней раскинулся огромный военный лагерь. Согласно последним сводкам с фронта, в тот момент, когда основные силы Великой Юй выделили подкрепление для спасения уезда Цзе, вождь Хаэрцы вихрем ворвался в Мэнлян, вновь переломив ход в свою пользу. А-Синь тогда исходила жгучей тревогой, но упрямо сдерживала свой порыв, понимая, что пока она железно не убедится в безопасности Ли Цзюя, возвращаться к Мэнляну нельзя. И вот теперь А-Синь с боем вернулась обратно, а следом за ней карательным маршем подоспел и Вэй Цзинъань со своей элитной армией. Они оба давно были наслышаны о смелых подвигах друг друга, но до этого момента никогда не встречались лицом к лицу. О беспримерной отваге А-Синь знала вся Великая Юй, но вот сокрушительная мощь Вэй Цзинъаня превзошла даже самые смелые ожидания барышни Се.

В ходе вчерашнего сражения Вэй Цзинъань одним ювелирным ударом копья насквозь пронзил запястье верховного вождя Чунцзиня Хаэрцы, взял живьём двоих его сыновей и собственноручно обезглавил троих вражеских генералов авангарда. И пусть Мэнлян пока не удалось вернуть под свой контроль одним стремительным наскоком, эта битва безоговорочно стала величайшим триумфом Великой Юй. Вэй Цзинъань проявил беспрецедентную дерзость, разбив лагерь армии Вэй всего в пяти ли от стен осаждённого Мэнляна. Выделив своим полкам отменное вино и сочное мясо, он издал суровый воинский приказ: выступить в поход до первых лучей солнца, чтобы застать степных псов врасплох и вырезать их подчистую.

Сейчас, когда варвары лишились высших командиров и престолонаследников, в их рядах царили полнейший хаос и смута. Впрочем, армия Великой Юй тоже понесла тяжёлые потери, лишившись нескольких тысяч доблестных воинов. Вэй Цзинъань тонко просчитал, что вождь

Хаэрцы наверняка решит, будто ханьцам потребуется как минимум несколько дней на передышку перед новой волной штурма. А значит, если нанести удар под покровом глубокой ночи, можно гарантированно застать этих ублюдков врасплох.

Разузнав о тактическом замысле Вэй Цзинъаня, А-Синь с искренним восхищением признала, что этот юноша не просто свирепый и могучий боевой дракон на поле брани, он обладает пылким, благородным и зрелым умом истинного главнокомандующего. Она по собственной воле согласилась временно передать свои отряды под знамя дома Вэй, желая плечом к плечу с Вэй Цзинъанем вырвать Мэнлян из лап врага.

Вэй Цзинъань прекрасно знал, что А-Синь родная дочь его заклятого столичного врага Се Фучэня. Но он также знал, сколько неоценимых подвигов она совершила ради спасения Великой Юй. Перед лицом грозного внешнего врага, когда даже сама А-Синь наступила на горло гордости, наплевав на то, кто именно возглавит объединённое воинство, и добровольно пошла к нему в подчинение, то что ещё ему оставалось сказать?

– Договорились! – звучно и открыто выкрикнул Вэй Цзинъань. – Сегодня наши семьи Вэй и Се не кровные враги, сегодня мы все единые воины Великой Юй! Завтра в час Инь (3-5 утра), ещё до того, как солнце поднимется из-за гор, мы ворвёмся в город, вернём Мэнлян и сорвём голову с плеч вождя Хаэрцы! Чтобы упокоить священные души наших павших братьев!

– Отлично! Эту чашу я пью в твою честь! – А-Синь и Вэй Цзинъань осушили по три чарки до дна, после чего молодой генерал не удержался и добавил:

– Знаешь... ты совсем не похожа на остальных людей из семьи Се.

А-Синь сделала вид, будто не расслышала этих слов. Опустив пустую чашу на стол, она молча развернулась и покинула шатёр.

Осушив шесть чаш вина, Вэй Цзинъань почувствовал, как по всему телу разливается благодатное тепло. Это помогло немного унять кипевший в груди яростный боевой задор, и его начало клонить в сон. В сопровождении личных телохранителей он направился к своему походному шатру.

– Молодой господин, – один из рядовых бойцов личной гвардии подошёл и что-то тихо прошептал ему на ухо. Глаза Вэй Цзинъаня округлились от удивления, и он раскатисто, весело расхохотался:

– Надо же, какая история! Ну, раз это искренний подарок от местных земляков, отказываться было бы верхом бесчеловечности и дурного тона, – на красивом лице молодого генерала от предвкушения проступил лёгкий румянец. – Веди, веи её сюда! Доставьте прямо в мой шатёр!

Вэй Цзинъань первым перешагнул порог палатки. Вслед за ним двое солдат подвели к шёлковому пологу «женщину», чья голова была скрыта под глубокой шляпой с вуалью, а тело

укутано в плотный чёрный плащ. Приподняв занавесь, они впустили гостью внутрь, оставив её наедине с Вэй Цзинъанем, а сами заняли посты снаружи.

Чжэнь Вэньцзюнь, укрывавшаяся неподалёку за голым стволом засохшего дерева, едва не задохнулась от возмущения и паники, видя, как второй молодой господин Вэй без тени сомнения впустил к себе в шатёр абсолютно неизвестную «девицу». С виду этот парень казался грозным и свирепым воителем, но в нём не было и половины той бдительности и проницательности, какими обладала его сестра Вэй Тинсюй! Откуда, спрашивается, в этих диких, разорённых войной приграничных лесах посреди ночи взяться простой деревенской девке? И стоило той сказать, что она пришла «выразить почтение и утешить генерала», как её тут же волокут в постель? Чжэнь Вэньцзюнь едва не исходила яростью, ей до безумия хотелось немедленно ворваться внутрь и всыпать обоим.

И ведь она знала истину! Тот, кто скрывался под чёрным плащом, вовсе не был женщиной. Это был тот самый гвардеец Хубэнь, проделавший огромный путь из уезда Цзе.

Буквально три четверти часа назад Чжэнь Вэньцзюнь своими глазами видела, как этот лазутчик привязал коня в лесной глуши, скинул мужские доспехи и облачился в женское платье. Он даже умудрился соорудить себе пышную грудь из двух комков сырого теста и туго перетянул талию корсетом. Этот человек явно шёл на дело не ради сиюминутной прихоти или шутки, его маскировка была тщательно продумана. Едва он в облике крестьянки двинулся к лагерю, Чжэнь Вэньцзюнь сразу разгадала его коварный замысел, мысленно посмеиваясь над низкопробными, топорными методами императора Ли Цзюя. Ей казалось, что на столь дешёвую и глупую уловку Вэй Цзинъань ни за что не поймаётся.

Однако суровая реальность прямо сейчас доказала ей, что в мужчинах она не понимала ровным счётом ничего...

Этот замаскированный убийца из Хубэнь вот так просто, вальяжно и беспрепятственно прошествовал в шатёр главнокомандующего, оставшись с ним с глазу на глаз. Если он улучит момент, когда Вэй Цзинъань полностью расслабится поддавшись плотским чарам, и нанесёт удар скрытым кинжалом, то у него действительно будут все шансы на успех.

При этой мысли Чжэнь Вэньцзюнь больше не могла оставаться на месте. Выскочив из своего укрытия, она мчалась напрямик к палатке генерала.

– Кто идёт?! – а вот личные стражи Вэй Цзинъаня на этот раз проявили завидную бдительность. Заметив тёмный силуэт, который скрытно пробирался с окраины лагеря и пытался тайно подобраться к шатру молодого господина, они мгновенно сомкнули ряды, преграждая путь и готовясь взять нарушителя живьём. Чжэнь Вэньцзюнь во всё горло закричала:

– Девка в шатре генерала переодетый наёмный убийца! Быстрее, спасайте второго молодого господина!

Разумеется, стражники не собирались верить на слово какой-то незнакомой девице, невесть

откуда выскочившей посреди ночи. Вскинув обнажённые клинки, они с яростью ринулись на неё, намереваясь скрутить. Чжэнь Вэньцзюнь заранее предвидела подобный исход. Сердце её бешено колотилось от тревоги, и тратить драгоценное время на изнурительный ближний бой со своими же она не могла: у неё не было ни секунды. Оттолкнувшись ногой от обода стоявшей рядом походной повозки, она взмыла в воздух, перелетела на крышу соседней кибитки, а оттуда принялась стремительно прыгать по верхушкам натянутых палаток и шатров. Разъярённые воины всей базой с криками носились за ней следом, но из-за её бешеной скорости никак не могли зажать в угол и схватить.

Эту тактику побега она в своё время подсмотрела у барышни Се. Точно так же А-Синь когда-то уходила от погони в лагере принцессы Ли Яньи. Вот только А-Синь обладала безупречным, эталонным мастерством цингуна, её прыжки были невесомыми, плавными, точно полёт дикой ласточки, и одним толчком ноги она могла покрыть расстояние в десяток широких шагов. Цингун Чжэнь Вэньцзюнь тоже был неплохой, мать заложила в неё великолепный, прочный физический фундамент, да и сама девушка за эти годы ни на день не забросила тренировки, упорно качая мышцы. Вот только у неё никогда не было долгих лет для системного изучения высших боевых искусств. Свои навыки она собирала по крупицам, там подсмотрит приём у одного мастера, тут перехватит пару финтов у другого. Её техника движений ног была хаотичной и разношёрстной, а уж об истинном цингуне и говорить не приходилось. То, что Чжэнь Вэньцзюнь умудрялась столь ловко и быстро лететь по верхушкам палаток и крышам повозок, обуславливалось исключительно её бешеной отвагой и неудержимым натиском. Стоило ей проявить хоть тень сомнения или замедлить шаг хоть на долю секунды, её бы мгновенно сбили на землю и разорвали на части.

Она уже была в паре шагов от центрального шатра Вэй Цзиньаня, когда в спину ей полетело несколько шальных стрел. Чжэнь Вэньцзюнь крутанулась на месте, уклоняясь от смертоносного града, и приземлилась на повозку. Но там её уже ждал новый ряд арбалетчиков, готовых к залпу. Не теряя ни секунды, Чжэнь Вэньцзюнь перехватила лежавший в телеге кнут и с размаху полоснула им наотмашь. Удар, от рукояти до самого кончика плети, пришёлся точно по лицам стрелков, заставив их с воплями отпрянуть назад. Однако следующая шеренга уже загнала болты в пазы и изготавилась к стрельбе. Чжэнь Вэньцзюнь мысленно приготовилась принять пару стрел на себя, ведь, в конце концов, на ней была надёжная мягкая кольчуга, так что боль придётся терпеть недолго.

Она собиралась без оглядки рвануть дальше к палатке генерала, но как раз в тот миг, когда сотня тетив была готова сорваться, кто-то в лагере истошно закричал:

– Стой! Отставить стрельбу! Неужто вы не признали? Это же спасительница нашей молодой госпожи - госпожа Чжэнь Вэньцзюнь!

Чжэнь Вэньцзюнь, уже взмывшая в затяжном прыжке на добрый десяток шагов, была до глубины души тронута тем, что её хотя бы кто-то узнал. От неожиданной радости она расслабилась и при приземлении неудачно подвернула ногу. Пересиливая резкую боль в лодыжке, она поднялась и взглядела в лицо окликнувшего её воина. Человек был ей незнаком, лицом к лицу они раньше явно не встречались. Боец поспешил объяснить, что служит личным оруженосцем второго молодого господина и как-то раз мельком видел её в резиденции Вэй... При этих словах губы парня едва заметно дрогнули в вежливой улыбке. Вот только у самой Чжэнь Вэньцзюнь эта ухмылка мгновенно всколыхнула в памяти постыдное

воспоминание о том, как она, изрядно перебрав хмельного, орала песни в обнимку со старым патриархом Вэй Лунем.

– Кхм, ладно, хорошо, что признал, – Чжэнь Вэньцзюнь поспешно перевела разговор на главное. – В шатёр к вашему командиру только что вошёл наёмный убийца! Это переодетый гвардеец Хубэнь! Второй молодой господин в смертельной опасности, живо на выручку!

Однако окружившие её солдаты вместо того, чтобы броситься на помощь, дружно расхохотались. Их веселье заставило Чжэнь Вэньцзюнь, со всей искренностью переживавшую за чужую жизнь, почувствовать себя полной дурой.

– Госпоже Чжэнь не о чем беспокоиться, – с улыбкой пояснил оруженосец. – Наш молодой хозяин с первого взгляда раскусил этого лазутчика. Он нарочно впустил его к себе, чтобы устроить ловушку. Как у нас говорят: заманил черепаху в кувшин, только и всего.

Едва Чжэнь Вэньцзюнь успела переварить эту новость, как со стороны шатра раздался оглушительный треск рвущейся ткани. Из палатки, кувыркком пробив шёлковый полог, вылетел человек и приземлился прямо посреди толпы. И хотя на дворе уже вовсю дышала весна, северные ночи по-прежнему оставались леденящими, однако этот человек был облачён лишь в узкие исподние штаны. От одного взгляда на его голое, покрытое гусиной кожей тело людей бросало в дрожь.

Гвардейцы Вэй тут же сомкнули ряды, намереваясь скрутить лазутчика, но этот поджарый боец оказался на редкость опытным мастером рукопашного боя. Жёсткими блоками он отбил удары первой волны нападавших, а у одного из воинов умудрился на лету вырвать из рук длинную саблю.

– Тьфу! – из разорванного шатра наконец неторопливо шествовал сам Вэй Цзинъань. Поигрывая своим тяжёлым копьём, он так и сыпал проклятиями, а на его лице читалось крайнее, брезгливое омерзение:

– Ты же, чёрт тебя дери, профессиональный убийца! Если уж взялся изображать бабу, так хоть бы рожу побрил для приличия! Твоя щетина мне всё лицо исколола. Ты что, поиздеваться над этим господином решил?!

Яростный рёв Вэй Цзинъаня утонул в громоподобном хохоте сотен солдат.

Оказалось, он умышленно впустил шпиона к себе, исключительно ради того, чтобы потешаться и глумиться над ним. Чжэнь Вэньцзюнь поймала себя на мысли, что этот второй брат по своему характеру человек прямой, буйный, открытый и по-хорошему дикий. Его покойный старший брат тоже был прославленным воителем. Они оба были вылеплены из совсем другого теста, нежели их младшая сестра, скрытная, холодная и подозрительная Вэй Тинсуй. Интересно, подумалось ей, если бы Вэй Тинсуй в детстве не пережила тот кошмар и пытки в стенах Жанчуаня, а росла бы согласно своей истинной природе, то какой бы она стала?

Между тем несостоявшийся убийца прекрасно понимал, как тяжело пробраться в лагерь врага. Он сделал ставку на женские чары, надеясь нанести смертельный удар в момент, когда генерал полностью расслабится. Ради этого задания он буквально растоптал собственное мужское достоинство, пошёл на унижительное переодевание, и для чего? Чтобы стать посмешищем для пьяного воина. Теперь он стоял посреди лагеря с густым слоем размазанных по лицу румян, с растрёпанными длинными волосами и голым торсом, походя на безумного сумасшедшего.

Вэй Цзинъань приказал солдатам расступиться, он пожелал сойтись с этим лазутчиком в честной дуэли один на один.

Второй молодой господин Вэй и впрямь напоминал сорвавшегося с цепи яростного тигра. В его мышцах бурлила первобытная, неисчерпаемая мощь. Не прошло и десяти движений, как его копьё уже оставило в теле шпиона три глубоких, сочащихся кровью раны. Вэй Цзинъань с каждым выпадом лишь сильнее входил в боевой азарт. Выждав момент, он с размаху обрушил древко оружия прямо на темя лазутчика. Перед глазами гвардейца Хубэнь вспыхнули миллионы искр, и его сознание на долю секунды устремилось в пустоту. Вэй Цзинъань мгновенно крутанулся на пятках и мощным, ювелирным тычком вогнал острие копья точно в самое сердце врага.

Чжэнь Вэньцзюнь щелчком пальцев выпустила небольшой камень, целясь точно в глаза Вэй Цзинъаню. Тот резко уклонился, и камешек лишь вскользь мазнул его по щеке, не причинив особой боли.

Но этого мимолётного мгновения замаскированному убийце хватило с лихвой. Уворачиваясь, он кувырком покатился прочь по земле. Личная гвардия Вэй тут же ринулась наперерез, пытаясь сомкнуть кольцо, однако Чжэнь Вэньцзюнь из темноты принялась тайно помогать беглецу, сбивая преследователей с толку. Почувствовав, что кто-то расчищает ему путь, лазутчик сделал последнее отчаянное усилие, с боем вырвался из окружения и на полной скорости скрылся в ночной чащобе, мгновенно растворившись под прикрытием ночи.

– Ладно, отставить погоню, – скомандовал Вэй Цзинъань. – Это всего лишь мелкая сошка, пёс смердючий, нечего из-за него ноги бить. Если сейчас рванём за ним всей толпой, то либо попадёмся на классическую уловку с отвлечением сил, либо угодим в засаду. Эта игра не стоит свеч.

Будучи человеком хладнокровным и расчётливым, он без лишних слов приказал войскам вернуться на позиции. Организовав три сменяющие друг друга волны ночных патрулей, он велел остальным солдатам немедленно ложиться спать: едва пробьёт час Инь, им предстояло идти на штурм.

– Ба... барышня куда-то делась, – подал голос тот самый оруженосец, что ранее признал Чжэнь Вэньцзюнь.

Вэй Цзинъань на секунду задумался, а затем с усмешкой приобнял парня за плечо:

- Да ладно тебе, она же девка. Кто разберёт, какие там бабочки у неё в голове крутятся? Пускай себе идёт куда хочет. Небось, ускакала обратно в уезд Цзе, жаловаться моей младшей сестрице.

Между тем несостоявшийся убийца, тяжело дыша и преодолевая жгучую боль в ранах, на бешеной скорости мчался прочь по лесу, то и дело испуганно оборачиваясь назад.

Чего он никак не мог предположить, так это того, что его преследователь шёл вовсе не по его следам на земле. Карающий призрак следовал за ним прямо по верхушкам деревьев.

Чжэнь Вэньцзюнь с огромным трудом совершала затяжные прыжки по ветвям, время от времени обламывая сухие сучья и с силой швыряя их за спину лазутчику. Она делала это умышленно, чтобы тому казалось, будто погоня гвардейцев Вэй до сих пор висит у него на хвосте, и заставляла его бежать без остановки. Лишь когда они углубились в глухую чащу и стало ясно, что хвоста за ними нет, она одним мощным прыжком сорвалась с ветки вниз и с размаху обрушила тяжёлый камень точно на темя шпиона. Тот со сдавленным стоном рухнул ничком на землю. Чжэнь Вэньцзюнь мёртвой хваткой вцепилась в его длинные волосы, рванула голову вверх и прижала лезвие своего кинжала «Золотая цикада» прямо к его сонной артерии.

- Зачем Ли Цзюй послал тебя убить молодого господина Вэя? Неужто твой трусливый хозяин не боится, что со смертью Вэй Цзиньаня армия Чунцзиня беспрепятственно вырежет всю Поднебесную?

Лазутчик лишь леденяще усмехнулся в ответ и уже изготовился с силой сжать челюсти, как Чжэнь Вэньцзюнь мёртвой хваткой сдавила его щёки, намертво заблокировав рот.

- Задумал раскусить пилюлю с ядом и легко отделаться смертью? Считаешь, я позволю тебе уйти на тот свет без лишних мучений? - Чжэнь Вэньцзюнь резко надавила на суставы, и челюсть шпиона с глухим хрустом выскочила из пазов. Выхватив из-за пояса острый кинжал, она ввела лезвие прямо в его окровавленный рот и принялась неторопливо водить остриём по дёснам. Пленник не мог даже пошевелиться, лишь буравя Чжэнь Вэньцзюнь полным бешеной ненависти взглядом.

Вскоре кончик кинжала наткнулся на тонкую шёлковую нить, закреплённую вокруг коренного зуба. Чжэнь Вэньцзюнь ювелирным поворотом кисти рванула лезвие на себя, с корнем выдрав потайную пилюлю с токсином вместе с зубом лазутчика. От дикой боли тот едва не лишился чувств, его лицо исказила гримаса ярости, но именно это Чжэнь Вэньцзюнь и было нужно: когда враг теряет ледяное самообладание и поддаётся эмоциям, выбить из него правду становится гораздо легче. Одним точным ударом ладони снизу вверх она вправила его челюсть обратно на место.

- Выкладывай. Почему Ли Цзюй приказал ликвидировать Вэй Цзиньаня?

На самом деле Чжэнь Вэньцзюнь в глубине души и сама прекрасно знала подлинный ответ, но, как ни странно, ей до безумия хотелось услышать эти слова из уст самого императорского

палача.

В тот момент, когда она полностью подчинила себе врага и осознала, что держит его хрупкую жизнь в своей ладони, в самой глубине её существа зашевелилось смутное, сладостное чувство азарта и ликования. Раньше этот пугающий внутренний огонь просыпался в ней крайне редко, но по мере того, как одна кровавая битва сменяла другую, это пьянящее чувство всевластия разгоралось в ней всё сильнее, и совладать с ним становилось практически невозможно.

Лазутчик, разумеется, хранил глухое молчание. Чжэнь Вэньцзюнь без лишних слов и предупреждений одним движением подчистую отсекла ему два пальца на руке.

Несчастный зашёлся в страшном вопле от невыносимой муки. Чжэнь Вэньцзюнь навела острие кинжала точно на его глазное яблоко:

– Всё потому, что Ли Цзюй до смерти боится триумфа Вэй Цзиньяня. Он не желает, чтобы семья Вэй покрыла себя славой, прогнав кочевников, и ни за что не хочет жаловать ему высокие титулы и земли. Именно поэтому он приказал убить его, я права?

Гвардеец Хубэнь, багровея от боли и прижимая к себе сочащуюся кровью искалеченную кисть, продолжал упорствовать. Видя, что девчонка вовсе не шутит и клинок уже едва не касается его зрачка, он наконец не выдержал и истошно заорал:

– Я не знаю! Клянусь, я ничего не знаю! Я всего лишь рядовой исполнитель, мелкий лазутчик! Откуда мне ведать о помыслах императора?!

Чжэнь Вэньцзюнь на секунду задумалась и согласно кивнула:

– И то верно.

– Я правда ничего не знаю... Моё дело бездумно исполнять приказы Сына Неба, я...

Чжэнь Вэньцзюнь не дала ему закончить фразу. Её ладонь молниеносным росчерком скользнула по его шее, скрытый кинжал «Золотая цикада» одним безупречным движением начисто перерезал горло лазутчика. Тело гвардейца несколько раз судорожно дёрнулось в конвульсиях, земля под ним окрасилась багровой лужей, и спустя мгновение он затих навеки.

Тяжело дыша, Чжэнь Вэньцзюнь замерла посреди непроглядной, зловещей темноты лесной чащи. Склонившись над телом, она точным круговым движением кинжала сделала надрез по линии роста волос и, плавно ведя лезвие вдоль затылка, хладнокровно и ювелирно полностью сняла с трупа кожу лица.

В этот раз всё прошло на редкость удачно: маска получилась куда более цельной и аккуратной, чем та человеческая кожа, которую она срезала во время своего прошлого тайного

проникновения в поместье Се.

Вот только обмундирование покойного гвардейца так и осталось лежать в лесу неподалёку от армейского лагеря, и возвращаться за ним было слишком рискованно. Впрочем, это не имело большого значения. Она отчётливо помнила, что лазутчик пришёл в самой обычной, заурядной солдатской форме, а раздобыть точно такой же комплект по возвращении в уезд Цзе не составляло никакого труда. Спрятав снятую кожу в широкий рукав своего одеяния, она на ощупь в кромешной тьме отыскала своего коня Сяосюэ и под покровом ночи во весь опор поскакала назад.

Когда она вернулась в уезд Цзе, солнце уже высоко поднялось над горизонтом. Не позволяя себе ни минуты отдыха, она ювелирно обработала кожу лица, раздобыла стандартную солдатскую форму и, завершив перевоплощение, решительным шагом направилась к уездной управе.

Гвардейцы Хубэнь взяли резиденцию в глухое и надёжное оцепление, внутри и снаружи яблоку негде было упасть. Чжэнь Вэньцзюнь уверенно зашагала мимо постов. Часовые у ворот лишь скользнули по ней дежурным взглядом и не проронили ни слова, так что Чжэнь Вэньцзюнь с высоко поднятой головой, ещё более уверенно и чинно направилась напрямик к Ли Цзюю, чтобы «доложить о выполнении приказа».

Отыскать покои Ли Цзюя было проще простого, он находился именно в той комнате, у дверей которой кучковалось больше всего вооружённой стражи.

Чжэнь Вэньцзюнь беспрепятственно миновала десяток гвардейцев Хубэнь, бдительно охранявших вход, и переступила порог. Едва до ушей Ли Цзюя донёсся шорох шагов, он мгновенно обернулся и, узнав в вошедшем своего ночного убийцу, в великом ликовании воскликнул:

– Вэй Цзылянь мёртв?!

Чжэнь Вэньцзюнь впервые в жизни находилась на столь близком расстоянии от Ли Цзюя лицом к лицу. Нынешний правитель Поднебесной выглядел пугающе истощённым, низкорослым и тщедушным. После тяжелейшего ранения его тело так и не смогло оправиться, отчего сам он походил на измождённый живой скелет с ввалившимися щеками.

Император... Владыка, стоящий над десятками тысяч людей... Сын Неба, наделённый священным мандатом богов... На поверку оказавшийся лишь бледной, угасающей немощью.

Не стой сейчас за дверями эти многочисленные отряды элитной гвардии Хубэнь, Чжэнь Вэньцзюнь могла бы одним лёгким движением пальцев придушить Ли Цзюя прямо на месте, как паршивого котёнка.

Вместо этого она почтительно протянула ему небольшую деревянную шкатулку. Император

нетерпеливо сорвал крышку, заглянул внутрь и в испуге отшатнулся: на дне лежали два окровавленных, начисто отрубленных пальца.

- Это... это пальцы Вэй Цзыляня?! – выдохнул он.

Чжэнь Вэньцзюнь молча кивнула.

- Почему ты не говоришь? – Ли Цзюй уловил странную перемену в поведении своего слуги.

Тогда Чжэнь Вэньцзюнь резким движением оттянула воротник формы, обнажая перед взором императора глубокую, страшную рваную рану на горле. Ли Цзюй испуганно ахнул:

- Надо же, ты тяжело ранен в шею и лишился голоса. Впрочем, оно и неудивительно. Вэй Цзинъань боевой дракон, одолеть его в честной схватке задача из невыполнимых. И даже если тебе удалось лишь отсечь ему пальцы на руке, Мы не станем сурово винить тебя за это. Жаль только, что Мы вспугнули зверя, и теперь, когда он настороже, подобраться к нему для смертельного удара будет во сто крат тяжелее. А ведь этот щегол обязан был сдохнуть! Оставь Мы ему жизнь, и Ли Яньи ещё сильнее укрепит своё влияние среди народных масс, а семья Вэй вдобавок получит в свои руки нового великого генерала! Как тогда Нам сдержат натиск этой проклятой ведьмы?!

Чжэнь Вэньцзюнь достала из-за пазухи походную кисть, обмакнула её в декоративный пруд-аквариум, стоявший посреди покоев, и быстро начертала на каменном полу иероглифы: «Какие будут дальнейшие приказы Вашего Величества?»

Ли Цзюй лишь загадочно улыбнулся и промолчал, не став раскрывать перед безмолвным исполнителем свои потаённые карты.

Чжэнь Вэньцзюнь не стала убивать Ли Цзюя прямо в этой комнате. Разумеется, устроить кровавую баню прямо под носом у охраны было бы верхом тактической глупости.

Ей нужно было во что бы то ни стало сделать так, чтобы Ли Цзюй и Се Фучэнь не смогли нащупать ни малейшей зацепки или улики, ведущей к дому Вэй.

Когда Чжэнь Вэньцзюнь уже развернулась, собираясь покинуть покои, Ли Цзюй внезапно окликнул её.

Она с лёгким колебанием обернулась назад и увидела, что император самолично взял со стола дорогую шкатулку с целебными мазями и протянул её ей:

- Ты проявил истинную доблесть и верность, дерзнув в одиночку пойти на штурм и забрать жизнь Вэй Цзинъаня. Ты ранен ради Нашего престола, возьми эти редкие лекарства и как следует подлечи свои увечья.

Чжэнь Вэньцзюнь почтительно приняла свёрток из его рук. Ли Цзюй судорожно закашлялся несколько раз, а затем мягко, почти по-отцовски улыбнулся ей:

– Мы и сами только-только сумели вырваться из лап бога смерти. Вокруг Нас вьются целые стаи стервятников, которые спят и видят Нас в могиле и молят о Нашей кончине. В эти смутные времена Нам нелегко было обрести столь способного, верного и преданного слугу. Сбереги своё здоровье ради Нас. Ступай.

Чжэнь Вэньцзюнь склонилась в прощальном поклоне, попятилась к выходу и плотно затворила за собой дубовые двери.

Ли Цзюй оказался совсем не таким, каким она его себе представляла. Из уст Вэй Тинсуй и Ли Яньи всегда исходило, будто Ли Цзюй глуп, труслив и бездарен, и если бы не усилия одного лишь Се Фучэня, они бы давно стащили его с драконьего трона и втоптали в грязь. В её понимании он виделся тем самым робким, никчёмным деспотом из бесчисленных исторических хроник, о которых ей когда-то рассказывала мать: бездельником, способным лишь совершать роковые ошибки и недостойным звания истинного владыки. Сегодня она шла к нему, неся с собой шкатулку с усыпляющим средством, полная решимости и презрения лично убедиться, насколько он ничтожен. Кто же мог подумать, что на поверку император окажется на редкость мягким, лишённым высокомерия человеком, полностью перечеркнув её былые ожидания.

Ли Цзюй был гораздо моложе, чем ей казалось. Сними с него императорский венец, и перед ней предстал бы самый обычный, заурядный юноша из соседнего двора.

Но он был не таким.

Покидая уездную управу, она бросила последний взгляд назад, словно вглядываясь в очертания безмолвной, застывшей гробницы.

Она ушла, но оставила после себя смертоносный след. Те два отрубленных пальца, что лежали в шкатулке, вовсе не были простой бутафорией для отчёта о выполненном приказе.

Она щедро окропила их ядом.

Этот яд назывался «Чжуйхунь» (Аромат, преследующий душу). Сам по себе этот токсин обладал весьма резким, отчётливым запахом, поэтому она умышленно заперла его в деревянной шкатулке вместе с сочащимися кровью пальцами, чтобы густой шлейф разлагающейся плоти полностью заглушил аромат и Ли Цзюй ничего не заподозрил. Этот яд не убивал жертву на месте, иначе сама Чжэнь Вэньцзюнь не выбралась бы из покоев живой, и от него даже существовало противоядие. Однако если вдохнуть его испарения и вовремя не принять спасительное снадобье, то ровно через семь дней, как только токсин активизируется в организме, никакие лекари и чудодейственные мази уже не смогут вернуть человека с того света.

Она лично вручила эту шкатулку Ли Цзюю, и тот, держа её прямо у себя под носом, сам того не ведая, раз за разом глубоко вдыхал смертоносные пары. Сама же Чжэнь Вэньцзюнь заблаговременно приняла противоядие.

Упущенный в прошлом на городской стене шанс в этот раз она вернула себе сполна.

Вернувшись в свои покои, Чжэнь Вэньцзюнь во всех подробностях пересказала коварные замыслы Ли Цзюя Вэй Тинсуй. Та лишь молча баюкала в ладонях маленькую походную жаровню, ласково поглаживая её металлический корпус, точно домашнюю послушную кошку.

– Розы «Пайхуай» в нашей резиденции, должно быть, уже всю высажены в грунт, – Вэй Тинсуй внезапно и плавно сменила тему. – Сестрица, когда мы вернёмся в столицу, весь наш внутренний двор наверняка расцветёт ослепительной, невероятной красотой.

Чжэнь Вэньцзюнь слишком хорошо изучила её характер, чтобы понять, что за этими мягкими, поэтичными речами скрывалось неистовое, леденящее душу желание убивать.

Вэй Тинсуй не просто хотела смерти Ли Цзюя, она намеревалась лично, своими глазами увидеть его предсмертную агонию.

Между тем под покровом глубокой ночи Вэй Цзинъань и А-Синь пошли на штурм Мэнляна. Не щадя собственных жизней, воины Великой Юй соорудили живые лестницы из тел и с боем ворвались на городские стены.

Солдаты Чунцзиня ещё спали в своих казармах, когда над городом внезапно разнёсся оглушительный, раскатистый воинственный клич. Обезумев от паники, они метались по улицам, не успевая даже оседлать коней. Вэй Цзинъань во главе своего латного авангарда сокрушительным клином пробивал центральные улицы города, пока А-Синь и Го Сяо со своими отрядами ювелирно зажимали противника во фланговые тиски с двух сторон. Ещё до того, как первые лучи солнца озарили небосвод, объединённое воинство успело подчистую истребить более десяти тысяч чунцзиньцев. Верховный вождь Хаэрцы бежал в таком паническом ужасе, что даже не успел натянуть сапоги. Вэй Цзинъань коршуном гнал за ним по пятам, преследуя отступающих на протяжении десяти ли и едва не сорвав голову с плеч самого вождя, но в последний момент путь ему преградил свежий заградительный отряд врага.

Три сотни элитных всадников из личной гвардии Вэй Цзинъаня оказались взяты в глухое кольцо двумя тысячами подоспевших кочевников. Однако молодой генерал силой оружия совершил невозможное: он буквально прорубил себе путь сквозь эту стальную лавину, забирая чужие жизни в хаосе завязавшейся бойни с такой лёгкостью, словно доставал вещь из собственного кармана.

Все без исключения воины Чунцзиня были до глубины души потрясены и напуганы его запредельной, нечеловеческой свирепостью. Потеряв всякое мужество продолжать штурм, они в панике бросили позиции и поспешно отступили на север.

Вэй Цзинъань, чьи доспехи и одежда были насквозь пропитаны вражеской бурой кровью, запрокинул голову к небесам и разразился долгим, неистовым криком, пока по его лицу крупными каплями катились горячие слёзы. Он кричал ради самого себя, ради величия семьи Вэй, но больше всего ради светлой памяти своего погибшего старшего брата.

Когда вождь Хаэрцы наконец добрался до рубежей трёх северных округов, под его началом из огромной орды осталось едва ли десять тысяч израненных воинов. Этот поход обернулся для кочевников сокрушительным, беспрецедентным разгромом.

– Неужто славные сыны Улаэра готовы вот так покорно признать своё поражение?! – в бессильной злобе скрежетал зубами вождь. Он не желал мириться с крахом своего величия. – Мы ещё вернёмся и сожжём их земли! Как только мои раны затянутся, я лично сойду в новой битве с этим бешеным мужем Великой Юй и заставлю его захлебнуться собственной кровью!

В то самое время, когда вождь Хаэрцылизывал раны в северных уездах и всю собирал под свои знамёна свежих рекрутов, а А-Синь спешно возвращалась обратно в уезд Цзе, командир гвардии Ся Цзин был убит.

В то памятное утро Ли Цзюй в ужасе проснулся от кошмара. Ему снилось, будто кто-то ворвался в его покои с мечом, а Ся Цзин и все воины гвардии Хубэнь, до последнего защищая его, пали в бою до единого человека.

Открыв глаза, он с леденящим ужасом осознал, что это был вовсе не сон.

Дубовые двери спальни были распахнуты настежь, весь пол был устлан безжизненными телами. Ся Цзин лежал у самого подножия его постели с остекленевшим, застывшим взглядом, а прямо через трупы в комнату неторопливо вошёл человек.

– Вэй... Вэй Цзычжо...

Когда Ли Цзюй отчётливо разглядел лицо ночного гостя, его прошиб дикий пот, и он пружиной отпрянул назад, забиваясь в угол кровати.

– Ваше Величество, – Вэй Тинсуй шла к нему на собственных ногах, шаг за шагом приближаясь к постели Ли Цзюя.

Позади неё безмолвной стеной выстроились Чжэнь Вэньцзюнь, Сяохуа, Линби, а также все элитные наёмники и лучшие мастера тайной стражи семьи Вэй. Каждый из них буравил Ли Цзюя хищным, волчьим взглядом, словно стая свирепых шакалов, обступивших беззащитного,

загнанного в угол оленёнка.

Ли Цзюй трясся в безудержной дрожи. Издав дикий, отчаянный вопль, он перемахнул через постель, вырвал саблю из мёртвых пальцев Ся Цзина и с размаху занёс её, намереваясь снести Вэй Тинсюй голову. Но стоило ему лишь поднять клинок, как его живот пронзила невыносимая, жгучая мука, и огромный сгусток тёмной крови хлынул из его рта прямо на каменный пол.

Император бессильно рухнул ничком. Казалось, будто все его внутренности заживо пожирает прожорливая стая червей, его содрогало в страшных конвульсиях, и он чаша за чашей изрыгал из себя багровую кровь.

Вэй Тинсюй подошла к нему вплотную, изящно опустилась на корточки и принялась вглядываться в его лицо, полное агонии. С мягкой, ласковой улыбкой она тихо произнесла:

– Ваша земная миссия завершена, император эры Шэньчу. Не переживайте, принц Хуайань-ван очень скоро отправится на небеса вслед за Вашим Величеством.

Подбородок Ли Цзюя был сплошь залит чёрной, отравленной кровью. Кое-как приподняв голову, он устремил взор на застывшую в полушаге от него Вэй Тинсюй, и его глаза медленно наполнились горячими слезами.

Колесо судьбы сделало свой финальный оборот...

В конечном счёте он в пух и прах проиграл эту войну Старшей Принцессе Ли Яньи.

Нет, не Ли Яньи.

В эту самую секунду Ли Цзюй вдруг разглядел в глубине зрачков Вэй Тинсюй совершенно иное, пугающее сияние. Тот потаённый смысл, который крылся в её глазах, был чем-то таким, о чём он за всю свою жизнь не смел даже помыслить.

Напрягая последние силы, Ли Цзюй мёртвой хваткой вцепился в ладонь Вэй Тинсюй. Чжэнь Вэньцзюнь и Сяохуа мгновенно рванулись вперёд, готовые силой оторвать его от госпожи, но Вэй Тинсюй едва заметным жестом руки приказала им оставаться на местах, вреда он причинить уже не мог.

– Мой новорождённый принц... Наш сын... – с каждым вытолкнутым словом Ли Цзюй изрыгал новую порцию крови. На его лбу вздулись багровые вены, всё лицо покрылось каплями холодного пота, а слёзы катились из глаз настоящим ручьём. Сказать эти несколько коротких слов стоило ему колоссальных, предсмертных усилий. – Пощади... умоляю, пощади моё дитя... Он ведь... ни в чём не виноват...

Два его глазных яблока выкатились из орбит так, словно готовы были лопнуть и выпасть наружу. Он замер в немом молении, ожидая от Вэй Тинсюй лишь одного короткого обещания, и тогда он смог бы со спокойной душой испустить свой последний вздох.

Вэй Тинсюй не стала мучить его долгим молчанием. Напротив, она наклонилась ещё ближе к его лицу и прямо на ухо Ли Цзюю прошептала всего одну короткую фразу.

Лицо Ли Цзюя в то же мгновение страшно перекосилось, а всё его тело свело мощным, неестественным спазмом. Впрочем, это окоченение длилось считанные секунды: очень быстро его судорожно сжатые мышцы расслабились, и он, точно кукла с напроць перерезанными нитями, безжизненно повалился на окровавленный пол.

Всё было кончено. Император Ли Цзюй был мёртв. Глядя на его жуткий, обезображенный предсмертной мукой лик, Чжэнь Вэньцзюнь почувствовала, как её собственное сердце начинает бешено, испуганно колотиться в груди.

Вэй Тинсюй медленно выпрямилась во весь рост и леденящим тоном отдала свой первый суверенный приказ:

– Запереть ворота!

<http://bllate.org/book/17227/1740259>